Дракон и Ведьма из Полусказки

Хроники Дикоземья

18+

Дракон и Ведьма из Полусказки

Хроники Дикоземья

«Автор»
2026

из Полусказки Д.

Хроники Дикоземья / Д. из Полусказки — «Автор», 2026

Рассказы из жизни жителей Дикоземья, в частности - Залесья. Все, что не вошло в основную книгу. Все, что происходило за ее рамками. Все, что никак не влияет на основную ветку сюжета, но все равно интересно, либо дополняет ее. Ну и, конечно, не только про главных героев - Киру и Рудольфа, но вообще про всех - Лизу, Локи, Василия, Мэра Иннокентия, Мистера Кроу и многих других.

© из Полусказки Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Йольский Кот 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Дракон и Ведьма из Полусказки Хроники Дикоземья

Йольский Кот

Йоль, говоришь?.. Хорошо, гость, давай поглядим в темноту повнимательнее. Я расскажу тебе одну историю… Мне каждый год приходится работать Йольским Котом. Ну… а кому еще, кроме меня?

Это было триста лет назад. Йоль у нас всегда на первый взгляд проходит обычно, как и везде. Но только на первый взгляд. Но ведь мало кто знает, что происходит за кулисами огней и мишуры? Что на самом деле скрывает яркий праздник? В ту ночь снег лежал странно ровно, как простыня на теле, которое уже остыло. Город Залесье притих, спрятав огни в ставни, словно боялся, что кто-то заглянет в окна и пересчитает души.

«Золотой Телец» светился одиноким теплым пятном среди этой зимней мертвоты. Ветер шуршал по стенам, как стайка голодных крыс в поисках пищи. Но мои крысы были внутри. Они сегодня были заняты. Ведь Йоль – особенная ночь. Ночь, когда темнота становится настолько густой, что в ней можно потерять самого себя.

Я, ваш верный слуга, Василий, чёрный кот-домовой, хозяин таверны, сидел на своем любимом диване и слушал, как в глубине ресторана тихо звенит посуда. Не от сквозняка, нет. Звон был ровным, размеренным, будто кто-то невидимый уже раскладывал приборы, готовил места для гостей, которые обязательно придут сегодня ночью.

– Придут, – прошептала старая крыса с разорванным ухом, выглядывая из-под печки. – Опять придут.

Каждый Йоль одно и то же. Открывается дверь, хотя я её не трогаю. На пороге никого не видно. Но в зал, словно пытаясь спастись от стылого ветра, заходят те, кто давно уже вписан в Книгу Мертвых. Йоль – время, когда граница тонка, как яичная скорлупа, а любой шёпот из темноты становится четче. Осязаемее. Можно почувствовать его кожей.

Свечи вспыхнули сами. Их огонь был жёлтым, теплым, но на мгновение в каждом пламени мелькнуло нечто… похожее на глаза. Одна пара, другая, третья – множество взглядов, сверкающих в огне, как угли в старой печи. Они пришли точно ко времени.

Я и мои помощники начали готовить. Сливки густо стекали в чугунный сотейник, сметана ложилась мягкими облаками на дно мисок. Мы резали, варили, тушили, мешали, и с каждым взмахом ложки воздух становился тяжелее. В нём чувствовался запах не только жареного мяса и пряностей, но и чего-то ещё, еле заметного, едва уловимого. И пугающего, как дыхание за спиной, как скрип половицы, когда ты уверен, что дома один.

– Хозяин, – прошелестели крысы, – сегодня их больше.

Я не обернулся. Я и так чувствовал: дверь открылась, как и в предыдущий Йоль, и как сотни предыдущих Йолей. Ничего не изменилось и в этот раз. Стулья начали тихо отодвигаться, половицы поскрипывали под шагами пришедших. На белых скатертях проступали вмятины, словно от невидимых бокалов. Зал «Золотого Тельца» наполнялся гостями, которых не мог увидеть ни один живой человек, если только не взглянул бы чуть внимательнее через трепет пламени свечи. Но кто догадается так сделать?

Йоль – их ночь. Они всегда возвращаются туда, где когда-то смеялись, ели, пили, договаривались, предавали. И с тех пор, как город решил забыть их имена, только я один накрываю им стол.

Я живу долго. Слишком долго. Я помню тех, кто приходил сюда ещё до того, как ресторан стал «самым дорогим и популярным». Они сидели в углах, шептались, подписывали бумаги,

заключали сделки, продавали чужие судьбы за золотые монеты. Залесье росло, крепло, а в подвалах медленно накапливалось… другое.

Нечто, чем не кормят живых. Я подал первое блюдо одному из посетителей. Миска сама собой сдвинулась по столу, остановилась там, где из воздуха проступили очертания рук. Ложка, которую никто не держал, зачерпнула сливочный соус.

Но я знал, чем я кормлю их на самом деле. В сливочной белизне плавали сгустки чужих воспоминаний, тех, что люди вытравили из себя страхом и трусостью. В мягком, нежном вкусе сметаны растворялись слова, которые они когда-то не сказали тем, кого предали. И каждый, кто «сидел» в этом зале этой ночью, ел только своё: свои ошибки, свои забытые обещания, свои незаконченные дела и свою… грязь.

– Хозяин, – крыса с разорванным ухом снова подняла морду, – а живые… придут сегодня?

Я хмыкнул. Конечно, придут. Живые всегда тянутся к тёплому свету и хорошей еде. Особенно в Йоль, когда им так хочется верить, что чудо – это скидка в лавке, удачная сделка, случайный выигрыш, а не тонкая, беззвучная трещина в привычном мире.

И ровно в тот миг, когда Часовая Башня на площади пробила полночь, дверь «Золотого Тельца» открылась самым обычным образом. Ввалились живые: шумные, раскрасневшиеся от мороза, весёлые. Они говорили о празднике, о планах на следующий год, о деньгах, о любви. Они садились за те же столы, на те же места, куда уже давно устроились их невидимые предшественники.

Я видел, как один из живых – молодой, самоуверенный, в новом, пахнущем дорогой кожей пальто – прошёл сквозь фигуру старика, что приходил в этот зал уже тридцать лет после своей смерти. Старик был из тех, кто когда-то отдал свою семью из-за собственной жадности и гордыни. Сейчас он сидел тихо, как будто боялся, что его снова услышат. Но его тень дрогнула, когда через него прошёл живой человек. И на мгновение их силуэты совпали.

Это было похоже на примерку. Молодой человек на мгновение замер, словно бы что-то ощутил. Но что это было? Узнавание? Действительно примерка чужой судьбы на себя? Чужих ошибок? Решений? Что он сейчас забрал себе?

Я принёс им всем блюда. Живым – мясо, пропитанное сливками, тёплый хлеб, густой горячий соус. Мёртвым – то, чего они заслужили: тяжесть сожаления, хруст несделанных выборов, тугой комок в горле от того, что время вышло, а сказать главное так и не получилось.

– Ну что, – тихо спросил я, обходя и тех, и других. – Довольны?

Никто не ответил. Живые смеялись громко, хвалили кухню, поднимали тосты. Мёртвые ели молча. Только в глазах у некоторых из них пламя свечи дрожало так, будто вот-вот погаснет.

В эту ночь желания всегда звучат особенно сильно. Кто-то просил богатства. Кто-то – власти. Кто-то – любви. Кто-то – просто ещё год. Живые шептали это в бокалы, не подозревая, что эти шёпоты не исчезают бесследно. Я слышал их все. Слышал и запоминал.

– Йоль приносит то, чего вы просите, – сказал я в пустоту, хотя был уверен, что меня услышат и те, и другие. – Было бы только что отдать взамен.

Ветер за окном завыл так, будто кто-то провёл когтями по замёрзшему стеклу. Свечи разом вытянули огни, которыми горели. На один миг и живые, и мёртвые перестали шевелиться. Тишина была такая, словно само Залесье задержало дыхание.

В этот миг всё решалось. Чьё желание прорежет ночь первым? Чья жадность окажется громче чьего раскаяния? Чью душу легче всего будет очистить, аккуратно, как снимают шкурку с апельсина? Я улыбнулся, обнажив тонкие кошачьи зубы.

– С наступающим Йолем, – произнёс я. – Пусть сбудется всё, что вы загадали. До последней крошки.

Где-то на краю зала тихо захнукал ребёнок. Живой. Может, ему привиделось, как за его спиной кто-то наклонился слишком близко. Может, он просто почувствовал, что в этой ночи есть нечто, чего нельзя потрогать руками, но можно, не заметив, не поняв этого, отдать.

Крысы жались ко мне ближе, их глаза блестели, отражая сотни невидимых силуэтов за столами. Они знали: Йоль – кормный день не только для людей.

Когда часы отсчитали последний удар, невидимые гости стали исчезать. Один за другим, стол за столом. Пламя свечей стало спокойным, обычным, будто ничего и не произошло. Лишь на белых скатертях местами остались тёмные пятна, не от вина и не от соуса – такие, что не вывести ни мылом, ни щёткой, ни временем.

Живые продолжали веселиться. Они ещё не понимали, что не все здесь уйдут такими же, как пришли. Кто-то в эту ночь стал чуть-чуть другим. Чуть тяжелее. Чуть темнее. Чуть больше похожим на тех, кто приходил сюда до них.

Йоль умеет слушать желания. Йоль умеет платить по счетам. Я погасил часть свечей, оставив только несколько. Подозвав крыс, я бросил им хороший кусок свежего мяса со сливочным соусом. Всё-таки праздник.

– Что, Хозяин, – спросила старая крыса, жуя, – ещё один Йоль?

– Ещё один, – кивнул я. – И не последний.

За окнами метель вдруг стихла. Ночь стала плотнее. А где-то очень далеко, за стенами города, послышался тихий смех. Или вой. Йоль вошёл в силу.

– Запомните, – прошептал я не то крысам, не то тем, кто ещё не ушел. – В эту ночь нельзя просить того, за что вы не готовы заплатить. Впрочем… вы всё равно не послушаете.

Я снова улыбнулся, уже мягко и почти ласково. Ведь я – Василий, чёрный кот-домовой, хозяин «Золотого Тельца» и лучший повар вселенной. Я умею готовить так, что вы проглотите даже собственную судьбу, и не почувствуете странного привкуса до самого Йоля следующего года.

А он придёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.